

— Время пировать! — Фан Цин выплыла из кухни, неся в руках тарелку, до краев наполненную свиными ножками. Она водрузила ее на стол с гордостью, словно представляла сокровище. — О чем вы тут шептались?

Цзи Тун виновато взглянул на Лу Жуна, словно пойманный с поличным.

— Жун Жун проявил интерес к моему бизнесу.

Лу Жун мысленно пожаловался: «Черта-с два. Какой там интерес! Любопытство, не более!»

— Да хватит болтать, давайте лучше поедим! Попробуйте, как я сегодня постаралась, — Фан Цин с материнской заботой принялась раскладывать еду по тарелкам.

Цзи Тун с готовностью вскочил, помогая ей.

— Зачем столько хлопот?

Румянец смущения залил лицо Фан Цин.

— Ну как же... Ты ведь пришел! Я обычно и на кухню не заглядываю.

Цзи Тун смущенно опустил голову..

— Спасибо...

Фан Цин игриво махнула рукой:

— Да что ты...

Лу Жун закатил глаза.

Что это за заигрывания людей средних лет?!

Фан Цин и Цзи Тун, словно очнувшись, вспомнили о существовании Лу Жуна:

— Жун Жун, ты помыл руки? Садись скорее!

Лу Жун, с тяжелым сердцем, приблизился к столу. Как бы он ни готовился морально, при виде выставленных блюд его лицо вытянулось.

Причина, по которой Фан Цин редко готовила, крылась в одном простом факте: Лу Жун ей этого не позволял. Это было опасно... очень опасно.

Еще до поступления в школу Лу Жун умел готовить. Пока другие дети гоняли мяч во дворе, он, стоя на цыпочках на табуретке, трижды в день колдовал над плитой.

И дело было не только в умении. Лу Жун постиг жестокую философию жизни: да, существуют таланты, но некоторых людей талант попросту обошел стороной, и тут уж ничего не попишешь. Кулинария и Фан Цин были ярким тому примером.

Казалось, годы, проведенные вдали от ее кулинарных экспериментов, стерли из памяти Лу Жуну весь ужас. Но стоило ему сесть за стол, как ледяная рука страха сжала его сердце. Детские кошмары, оказывается, способны преследовать всю жизнь.

«С чем, во имя всего святого, она это намешала?!»

В мутной жиже, плескавшейся в кастрюле, плавали бледные, безжизненные свиные ножки. Лу Жун наивно полагал, что Фан Цин хотя бы попытается придать им хоть какой-то вид, добавит соевого соуса, например. Но нет! Кастрюля была выставлена на стол в первозданном виде, источая приторно-сладкий запах, пропитавший всю гостиную.

Рядом красовалась миска с кроваво-красной говядиной, лишенной всякой формы. Нарезанная поперек волокон, она разваливалась на бесформенные ошметки, плавающие в подозрительно густом соусе, напоминающем древнее поле брани после жестокого боя.

Апофеозом кулинарного кошмара была рыба. Целая рыбина, с устремленными в потолок мутными глазами и широко раскрытым ртом, лежала на тарелке. На чешуе, которую никто не удосужился почистить, плясали зловещие отблески люминесцентной лампы. Внутренности зияли черной бездной, и даже сквозь толстый слой масла и соуса чувствовался горький привкус желчи, неминуемо просочившейся в мясо, когда Фан Цин с маниакальным упорством пыталась выпотрошить бедную рыбу. Она напоминала печально известный английский «Звездный пирог».

Венцом творения стала курица. Казалось бы, что можно испортить в тушеной курице? Купила на рынке, положила в кастрюлю – и готово. Но Фан Цин восприняла инструкцию слишком буквально. Она водрузила тушку задом кверху в кастрюлю, не добавив ни специй, ни, похоже, воды. Лу Жун не мог разглядеть, что стало с головой, но подозревал, что кастрюлю придется выбросить – дно наверняка обуглилось до черноты.

На фоне этого пиршества смерти скромно ютилась тарелка с зелеными овощами. Полусырые, они казались единственным, что можно было рискнуть попробовать.

Фан Цин и Цзи Тун оживленно щебетали о чем-то, не замечая, что Лу Жун, с окаменевшим лицом, сидит за столом, словно приговоренный к смертной казни. Палочки в его руке застыли в нерешительности.

— Ешь, — Фан Цин, наконец, обратила внимание на его странное поведение и попыталась положить ему в тарелку овощи.

— Не надо, — Лу Жун остановил ее. Он скользнул взглядом по ненавистным овощам, заставил себя сосредоточиться, дрожащей рукой подцепил один кусочек и положил в чашку. Сделав несколько глубоких вдохов, он с отчаянной храбростью отправил его в рот.

Вкус был ужасен. Невыносимо сладок.

Лу Жун, не говоря ни слова, встал и направился в туалет. Выплюнув ошметок овоща в мусорное ведро, он согнулся пополам, издавая характерные звуки.

— Что случилось? — взволнованно крикнула Фан Цин из-за двери.

— Рыбья кость в горле застряла, — выдавил из себя Лу Жун.

— Ну что за ребенок! Уже такой взрослый, а все давится... Вытащил?

Смыв воду в унитазе, Лу Жун с невозмутимым видом вышел из туалета.

— Вытащил.

Цзи Тун, убедившись, что с юношей все в порядке, участливо произнес:

— Он еще мальчик, если вкусно - едят, не разбирая. Надо быть осторожнее. — Он пододвинул тарелку с рыбой ближе к Лу Жуну и попытался положить кусок на его тарелку.

Лу Жун мысленно взвыл: «За что?!»

Любовь в зрелом возрасте - это прекрасно, но восхвалять кулинарные шедевры Фан Цин до небес - это уже за гранью.

Фан Цин, видимо, тоже почувствовала, что переборщила, и отодвинула тарелку обратно.

— Сам возьмет, если захочет. Он уже взрослый, сам выбирает, что ему есть. Ешь сам, — сказала она, выживая огромный кусок брющка для Цзи Туна.

Лу Жун про себя выругался. «Ну все, теперь ему прямая дорога на небеса».

Ему стало жаль Цзи Туна, но знал: даже если Фан Цин не станет настаивать, Цзи Тун сам переложит этот кусок себе в чашку, добровольно усложняя себе жизнь. Он перестал есть, сосредоточившись на наблюдении за несчастным.

Тарелка Цзи Туна была завалена жирной рыбой, с которой соус стекал прямо на стол. Повсюду торчали кости, а в сочетании с полусырым рисом все это выглядело как апокалипсис для гурмана.

Но на лице Цзи Туна сияла блаженная улыбка. Его нежное лицо покраснело, сияя ярче его золотой цепи.

— Ешь, ешь! — уговаривала его Фан Цин с материнской нежностью.

На мгновение Цзи Тун опешил, но тут же умилился.

— ...Да, — пробормотал он и, изящно вытащив из куска рыбы все кости, откусил кусочек.

Выражение лица Цзи Туна изменилось. Его и без того большие глаза распахнулись еще шире, и он стал еще больше похож на Бай Юнсуна:

— Восхитительно!!!

Лу Жун был ошарашен. Искренне или нет, но если человек способен так нахваливать стряпню Фан Цин, это говорит о его недюжинной силе воли и самопожертвовании.

Цзи Тун медленно смаковал каждый кусочек, а Фан Цин, окрыленная успехом, радостно протянула ему свиные ножки. Щетина на коже стояла дыбом, а сало блестело белизной нетронутого снега.

— Попробуй мои свиные ножки!

Лу Жун больше не мог на это смотреть.

— Да ладно тебе...

Даже если это проверка на прочность, это уже слишком. Человеческое сердце не выдержит такого испытания.

Неожиданно Цзи Тун, откусив кусок, радостно воскликнул:

— Да я уже и не помню, когда в последний раз ел такие восхитительные свиные ножки!

Лу Жун потерял дар речи.

«Старший брат, а как ты вообще жил все эти годы?!»

Расправившись с ножками, Фан Цин собралась было нарезать курицу, но Цзи Тун остановил ее:

— Мясо нужно есть с овощами.

Он добавил в миску немного овощей, а потом, не выказывая ни малейшего отвращения, принялся методично отправлять в рот полусырой рис.

Лу Жун закрыл глаза. Жениться – это подвиг, требующий невероятных усилий.

Цзи Тун доел рис и поставил тарелку.

— Знаете, я тут подумал... У вас рис какой-то особенный! Просто потрясающий! Где вы его покупаете? Что за марка?

Фан Цин, естественно, ничего не знала. Она толкнула Лу Жун локтем в бок.

— На рынке покупали, 3,5 юаня за полкило.

— Он такой рассыпчатый, у него такой чистый рисовый аромат! На вкус как рис из печи, который я ел в детстве, — Цзи Тун, подхватив свою тарелку, направился на кухню. — Можно еще? Кто-нибудь еще хочет?

Лу Жун молча наблюдал за происходящим.

Войдя на кухню, он обнаружил, что Фан Цин даже не включила рисоварку – вот почему рис оказался полусырым. Наблюдая за тем, как Цзи Тун с маниакальным упорством накладывает себе добавку, он понял, что это не игра.

Когда Цзи Тун вернулся, Фан Цин, с дрожащим голосом и заплаканными глазами, попросила его попробовать курицу.

— Ты... ты ешь больше...

— Что случилось?! Почему ты плачешь?

— Никому... никогда не нравилась моя еда...

— Как это?!

— Жун Жуну не нравится...

Глаза Цзи Туна вспыхнули праведным гневом, но он тут же смягчился и, придвинувшись к Фан Цин, принялся ее успокаивать:

— Да он каждый день ест твою еду, у него просто вкус испортился. Он просто не ценит то, что имеет. А я... я уже и забыл, что такое по-настоящему вкусная домашняя еда.

— Неужели правда? — Фан Цин, ликуя, промокнула влажные от радости глаза. — Тогда я буду готовить для тебя каждый день!

Цзи Тун взглянул на Лу Жуна, чувствуя себя несколько неловко под его пристальным взглядом.

— ...Да!

Лу Жун лишь безмолвно наблюдал.

Он видел, как Цзи Тун с неподдельным энтузиазмом набросился на еду, и лишь покачал головой, скрывая улыбку. Некоторые люди, казалось бы, совершенно нормальные, но при ближайшем рассмотрении оказывались чудаками. Если уж неспособность различать вкусы можно считать инвалидностью, то Цзи Тун вполне мог претендовать на удостоверение как минимум десятой группы.

«На каждый горшок найдется своя крышка», вспомнилось Лу Жуну. Глядя на то, как Фан Цин с умилением наблюдает за аппетитом Цзи Туна, он подумал, что, возможно, перед ней и есть её настоящая судьба.

Его губы дрогнули в легкой усмешке. Что ж, даже если мужчина окажется ростовщиком, это не так уж и страшно.

...Пока Лу Жун усердно отмывал посуду на кухне, Цзи Тун и Фан Цин стояли на балконе, погруженные в серьезный разговор.

— Так пойдем завтра за свидетельством, чего тянешь? — нетерпеливо спросила Фан Цин.

Цзи Тун, нахмурившись, выдал:

— Как думаешь, я нравлюсь Жун Жуну?

— Конечно, нравишься! — заверила его Фан Цин.

— Не понимаю его, — пробормотал Цзи Тун, — иногда он смотрит на меня с таким глубоким чувством... особенно за ужином. Может, я слишком много ем?

— Да он всегда такой, — отмахнулась Фан Цин.

Цзи Тун все еще выглядел обеспокоенным.

— Ты ведь на мне женишься, а не на нем, — попыталась успокоить его Фан Цин. — Какая разница, нравишься ты Жун Жуну или нет? Главное, что я от тебя без ума!

— Но как мы будем жить вместе? — не унимался Цзи Тун.

— Это неважно, — махнула рукой Фан Цин. — Просто вырастим его до восемнадцати, а потом он сможет сам о себе позаботиться.

Цзи Тун покачал головой.

— Да, по закону так, но в жизни все иначе.

— Он уйдет от нас, когда ему исполнится восемнадцать. Он же мне не родной сын, я всего лишь его временный опекун.

Тарелка, которую держал Лу Жун, предательски выскользнула из рук. В ней еще оставались сочные свиные ножки, которые он хотел скормить Цзи Туну, и тут он услышал такую оглушительную новость.

Все замерли в оцепенении.

Цзи Тун наклонился, чтобы поднять свиные ножки и разлетевшуюся пластиковую тарелку.

— ...Я помою, а вы пока поговорите.

Как только он скрылся, Лу Жун, не сдержавшись, выпалил: — Тётя, можно спросить, о чем вы сейчас говорили?

Фан Цин удивленно вскинула брови.

— Я не твоя тётя, а тётка.

[Примечание: В китайском языке есть много способов сказать «тетя» и «дядя», основываясь на родстве. То, как вы называете сестру своего отца, отличается от того, как вы называете сестру своей матери. Супругу дяди тоже называли по-разному. Сначала Лу Жун называл Фан Цин тетушкой, как сестру своей матери, поэтому Фан Цин исправил его обращение, потому что она была женой его младшего дяди по отцовской линии.]

<http://bllate.org/book/15338/1355570>